

ВТОРОЙ ТАЛАНТ ЛЬВА ЛЕЩЕНКО

Львы бывают разные. Но и при встрече с самым добрым и интеллигентным царем зверей невольно чувствуешь некоторое смущение и страх, стараясь заранее узнать, что он любит, а из-за чего и прогневаться может... Итак, Лев ЛЕЩЕНКО.

— Лев Валерьянович, какие вопросы вы не любите и есть ли вопрос, из-за которого вы могли бы выгнать журналиста?

— Не люблю вопросов о политике. Сейчас каждый считает себя способным анализировать. У меня есть свое мнение, но политикой должны заниматься политики... Кроме того, не люблю банальных вопросов типа "где родились? как пришли на сцену? ваши творческие планы?" А отказал бы я журналисту из-за вопроса, касающегося моих с кем-либо интимных отношений.

— Первых и последних вопросов я постараюсь избежать, но банальностей нам, боюсь, придется коснуться. И первая из них: как рано в детстве проявились ваши дарования?

— Что касается музыки и пения — то уже в три года.

— Как у Моцарта?

— В жанре вокала — может быть. Но не в жанре композиции. Я в детстве пел романсы. В четыре года разложил известный романс на два голоса и даже пробовал петь второй.

— Вы можете вспомнить ваше самое сильное детское музыкальное впечатление?

— Я помню, что мы с сестрой очень любили колоратурное сопрано, и, когда по радио Звезда пела популярные арии из опер, буквально принимали к репродуктору.

— С кем вас чаще всего сравнивают?

— К счастью, ни с кем. В шутку говорили раньше: "Это наш русский Фрэнк Синатра". Но я считаю, что это совершенно не по адресу.

— В вашей творческой биографии были какие-то провалы, срывы — о них, наверное, неприятно вспоминать?

— Почему? Случались провалы на концертах, где я был несовершенен потому, что меня застав-

ляли петь несвойственные мне вещи. В то время трудно было отказаться, нужен был компромисс, приходилось исполнять песни о партии, Ленине, были провалы и в период перестройки, когда нас, "стариков", "классику" пытались смести вместе со всяким хламом — все внимание было переключено на молодых исполнителей. Но через несколько лет поняли, что без фундамента не обойтись, а мы, "старики", — как-то часть этого фундамента. Во всяком случае в песенном жанре Кобзон, Пьеха, Магомаев, Пугачева, Ротару — это ориентиры, вехи в нашем искусстве.

— А были ли у вас в жизни моменты, когда вам хотелось все бросить?

— Нет, никогда. Случались конфликты и с музыкальным руководством, и с окружающей меня средой, но я пытался выстоять, выдержать. А потом просто деваться некуда — я сам взвалил на себя все тяготы своей профессии.

— Вы представляете себя на каком-то другом поприще?

— Безусловно. И такое существует: я занимаюсь педагогикой. Среди моих учеников много уже достаточно известных исполнителей. Когда я общаюсь со студентами, я вспоминаю то, через что я в жизни прошел и забыл, а забывать этого никогда не нужно.

— В чем у вас в жизни самый острый дефицит?

— Наверное, это дефицит каких-то моральных ценностей. Понятия "свобода, демократия" дали людям возможность быть самостоятельными, свободно высказываться, но не у всех есть нравственная, моральная планка, за которую нельзя заходить... А в себе меня раздражает нерешительность. Я человек не колеблющийся, но сомневающийся: выбор (и в творчестве, и в жизни) — всегда очень сложный процесс.

— От какой своей привычки вы сейчас не могли бы уже ни за что отказаться?

— От привычки иногда, где-то раз в год — два, бросить все и поехать к морю хотя бы на пару дней. Я беспечно и бездумно валяюсь на пляже, загораю и очень много плаваю. И с работой ко мне в эти дни лучше не подходить.

— Наверное, вашему окружению приходится нелегко. Кому от вас больше всего достается?

— Думаю, семье: ведь обычно терроризируешь самых близких людей.

— Скажите, есть ли у вас качество, талант, который вы поставили бы для себя выше своего таланта вокала?

— Я думаю, да. Это мое умение контактировать с людьми и разбираться в них. Я могу составить мнение о человеке за пять минут — по тому, как человек разговаривает, как на меня смотрит. Это умение дает мне право и основание удерживаться в фокусе внимания, не сдавать своих позиций. Благодаря ему я умею прогнозировать ситуации в отношении людей. И даже... прогнозировать ситуации в отношении своего творчества.

Валентина КАШЛЯЕВА.

Моск. правда. - 1994. - 19 нояб. - с. 4.

Лешченко Лев

19.11.94.